

Природа и романтический герой: постижение гармонии

В фольклоре и литературе природа всегда выступала как фон для изображения чувств персонажей и развития сюжета – а также в качестве действующего начала¹.

В лирических произведениях трубадуров и труверов – вне зависимости от их жанра - любовная тема практически всегда связывалась с определенным набором природных феноменов: цветов, зеленеющей травы, пением птиц, ручьем (или каплями росы на листьях). В стихотворном средневековом рыцарском романе изображение природы использовалось в качестве сцены для действия, подходящей случаю декорации, оно могло быть символом религиозного откровения - или воплощением некоего мира²; наиболее известным примером здесь может служить сад из знаменитого «Романа о Розе». В идиллическом «саду уединенном» в романе «Клижес» Кретьена де Труа героиня находят временное пристанище среди опасностей и тревог:

«Пред нею сад уединенный,
Листвой зеленый осененный,
И набирало высоту
Средь сада дерево в цвету;
Пред ним заманчивое ложе.
Траву ревниво берегли,
Свисали ветви до земли
С вершины солнечной древесной,
Как будто с высоты небесной...
Там дрема в солнечные дни,
Там наслаждение в тени,
Благоухание, птичьи трели,
Милее в мире нет постели.
Листва густая зелена,
Вокруг высокая стена;...»³

В роскошных садах, изображения которых можно видеть на картинах эпохи позднего Средневековья и раннего Возрождения, в полной гармонии с этой искусственной, часто огражденной высокой стеной природой пребывают герои новелл Боккаччо, Маргариты Наваррской, Анны Флор; сад, полный душистых цветов, сладких плодов и прочих «услад и отрад» мог быть также олицетворением гибельных мирских прелестей и служить для погибели душ легковверных и простодушных – как в знаменитом сборнике «Римские деяния»⁴.

В любовном романе XVII-XVIII вв. природа присутствует в виде прекрасного пейзажа, предназначенного для любования, эстетического наслаждения – или для рассеяния меланхолии героев; в эту эпоху непосредственные описания пейзажей в любовных романах часто отсутствуют - но культ ландшафта остается в силе. Так, в эпистолярном романе Гийерага «Португальские письма» (1669 г.), в котором практически не упоминаются никакие природные феномены, сила отчаяния португальской монахини, героини романа, становится особенно понятной в тот момент, когда она не может найти утешения с помощью развлечения прекрасным горным пейзажем – аббатиса приглашает ее на балкон, с которого открывается вид на гору Мертола⁵.

В готическом романе XVIII в пейзажи «выполняют многочисленные функции в сюжете, характере, интриге»⁶ - в основном, служа для эстетического наслаждения персонажей и отражения состояния души.

У романтиков и их последователей природа не только декорация или некое зеркало страстей, послушно воспроизводящее все оттенки чувств героев; количество исполняемых природой функций возрастает. Она общается с главными героями, придавая или отнимая у них силы, не оставляя их в одиночестве на всем пространстве текста. Акторная роль природы особенно заметна в ряде произведений первой половины XIX в., которые можно отнести к жанру «романа-биографии»⁷ - или так называемого «личного романа»⁸ (который также можно назвать романом «воспитания чувств»). Взаимодействие героя и природы подчас является – если не основной, то одной из самых значительных сюжетных линий - как, например, в «Рене» Шатобриана, «Обермане» Сенанкура, «Валери» Юлии Крюденер, «Исповеди сына века» Мюссе, «Доминике» Эжена Фромантена.

Герои Шатобриана, возникшие на заре романтической эпохи, существовали согласно с ритмами природы, и действие сюжета развивалось в гармонии с окрашенным в меланхолические тона ландшафтом. Так, память о счастливом периоде юности Рене, героя одноименной повести Шатобриана (1802), связана с наблюдением за ходом облаков, шорохом дождя в опавшей листве, длительными прогулками по осеннему лесу, погонями за ласточкой и радугой по зеленым холмам, окружавшим его родной замок; выбор жизненного пути Рене происходит - по его воспоминаниям – на фоне величественного пейзажа с лесом и монастырем: «Я еще вижу величественную гармонию вод и лесов этого старинного аббатства, где я на-

деялся укрыть свою жизнь от превратностей судьбы. Я точно брожу еще на закате дня по монастырским переходам, гулким и пустынным...»⁹. Основным структурным элементом повести «Рене» является рассказ главного героя, Рене, о своей жизни, повествование это происходит на фоне великолепного американского пейзажа с равниной, где раскиданы хижины среди рощ и пашен, горным хребтом и широкой рекой. Повесть Рене приходит к своему печальному финалу при звуках голоса фламинго, предвещающих бурю.

В романтическую эпоху, особенно в начале ее, герои, жаждавшие гармонии, часто могли достичь ее исключительно только среди величественных, и, желательно, горных пейзажей, только чувство величественного могло удовлетворить их, прекрасное и гармоничное казалось совершенно недостаточным и вызывало только снисходительное одобрение.

В романе «Оберман» (1804) французского писателя и философа Этьена де Сенанкура природа является одной из основных действующих сил - все повествование строится на любви героя к жизни среди прекрасных и величественных пейзажей; ему нужен именно горный ландшафт с озерами, лесами и морем, равнина с перелесками без больших водных пространств представляется унылой и почти безжизненной. Он находит любезные ему сердцу виды в горной части Швейцарии и поселяется там, чувствуя себя в такой же гармонии с миром, как и обитатели средневековых садов; роль же высокой стены для Обермана играет чувство необходимой для него степени дикости природы. В той Швейцарии, которую видит Оберман, природа представляется ему достаточно дикой - можно увидеть волка и бежать за ним, отгоняя его от ланей, встретить отшельника, живущего в землянке с кошкой и собакой, залезть на скалу в необитаемой части горы и, отослав проводника, долго наслаждаться зрелищем гор, склонившихся у ног. Только среди этого горного ландшафта Оберман «... живет подлинной жизнью в самом высоком единении с миром»¹⁰, и это чувство единства с миром, к которому стремится Оберман, ощущение, что «его «я» принадлежит ему самому и вселенной» может быть вызвано только такого рода пейзажами. Впрочем, все основные швейцарские достопримечательности уже запечатлены неутомимыми путешественниками и живописцами, труды которых прилежно изучает Оберман во время своих одиноких странствий, что позволяет ему легко осуществлять географическую идентификацию романтических видов.

Природа для Обермана романтична и комфортна – как на пейзажах Каспара Давида Фридриха. «Свернув <...> у небольшого селения ... я спустился по крутому откосу и лег на песчаной отмели, где умиряли набегающие волны. Я пробыл там долго. Воздух был спокоен, на озере – ни единого паруса. Люди отдыхали – кто в забвении трудов, кто в забвении горя. Возшла луна. Под утро она озарила земли и воды неизгладимой печалью своего сияния. Когда, погрузившись в глубокую задумчивость, в спокойствии ночи, еще освещенной угасающей луной, человек внемлет рокоту волн на пустынном берегу, природа кажется ему великой»¹¹.

В романе «Валери» (1803 г.) Юлии Крюденер, который сконцентрировал в себе основные литературные и идейные веяния эпохи раннего романтизма¹², герой романа – как и пристало романтику – постоянно декларирует свою любовь к прекрасной природе, но более всего его занимают не разворачивающиеся перед ним прекрасные виды, сколько его воображение, обнимающее вселенную. Вот он сожалеет о своей юности, той поре, когда «воображение обнимало всю огромную вселенную, рисовало... движение иных небес, заставляло услышать страшный рев бурь», когда один вид бушующего моря и скал вызывал целую череду романтических «неясных предчувствий» и литературных реминисценций. Природа в романе предстает источником душевного равновесия, герой проникнут ощущением своей глубокой связи с ней - и он просто требует от природы гармонии с самим собой: «Сколько раз, пожираемый сердечным пламенем, я хотел, как горный орел окунуться в облака и обновить мою жизнь! Сколько раз, чувствуя, что теряю силы, сжигаемый внутренним пламенем, я хотел погрузиться в бездну этого всепоглощающего моря и почерпнуть в его стихии, в разных потрясениях новую энергию!»¹³. Романтически окрашенные пейзажи дают возможность Густаву обрести некоторое умиротворение для своей мятущейся души - как отмечается в дневнике его матери, Густав обладал этим свойством с самого его нежного возраста. Но герой может достигнуть гармонии с прекрасной природой лишь на мгновение, среди волшебной итальянской природы он страстно сожалеет о холодных просторах Севера, мечтая о спокойствии, разлитых на бесконечных просторах: «...романтический вид слишком весел для меня. Я предпочитаю горы, мне больше подходит уединение»¹⁴.

Этот роман является практически единственным крупным литературным творением писательницы, правнучки сподвижника Петра I фельдмаршала Миниха, известной общественной деятельницы начала XIX века, сформировавшейся под влиянием европейской и русской культуры. Хотя роман «Валери» может показаться сейчас чрезмерно слезливым и напыщенным, сюжет романа несложен – это история несчастной любви юноши Густава к юной, прекрасной и добродетельной Валери, однако он оказал заметное влияние на литературу Франции и России в начале 19 века¹⁵. Скорее всего, средоточие романтических идей в романе вызвано еще и тем обстоятельством, что в качестве редакторов своего произведения Юлия Крюденер привлекла несколько известных писателей и литераторов (Бернандена де Сент-Пьера,

Шатобриана, известного в начале XIX века литератора Л.-П. Беранже, драматурга и переводчика Шекспира Жана-Франсуа Дюссиса)¹⁶.

Героя романа Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века» (1836), Октав, по своему неистовому страстному характеру, по склонности глубоко погружаться в бездну губительных страстей, весьма сходен с героем «Валери»; общение его с природой, Вселенной, постоянно – хотя пейзажей в романе сравнительно немного. Природа в романе – как бы некий ангел, подающий герою знак: так, в момент начала своей душевной драмы Октав видит падающую звезду, знаменующую разрушение его привычного мира: «Я чувствовал себя так, словно меня ударили дубиной по голове, и ничего не помню из того, что творилось во мне... разве только – как я машинально поднял глаза к небу и, увидев падающую звезду, поклонился этому мимолетному свету, который для поэтов являет собой разрушенный мир, и торжественно снял перед ним шляпу»¹⁷. Погруженный в бесконечные душевные терзания, вызванные изменой возлюбленной, герой замечает пьяного прохожего, и облик последнего заставляет Октава многое понять – а также предпринять хоть какие-то действия с тем, чтобы вывести себя из состояния глубоко уныния. Этот знаменательный прохожий был освещен светом луны, как прожектором на сцене: «Улица была пустынна; сухой ветер взметал пыль; луна высоко стояла на безоблачном небе и освещала место, где спал этот человек»¹⁸. В созерцании природы находит свое утешение Октав после смерти отца; здесь она для него проявляет родственные качества: «<...> что дурного могут сказать зеленеющие листья сыну, который оплакивает своего отца. Слезы, льющиеся из его глаз – родные сестры росы. Листья плакучей ивы – это те же слезы»¹⁹.

Природа ужасает героя романа Мюссе своей паскалевской пустотой, и лишь однажды в романе у героя и природы наступает гармония во взаимоотношениях – в момент крайнего душевного напряжения героя.

«Доминик» (1862) – во многом автобиографический роман французского писателя и художника-ориенталиста Эжена Фромантена – был создан в русле романтической традиции «романа-биографии», но спустя десятилетия после взлета романтизма смысловое наполнение отработанных приемов уже совсем иное. Исследователь творчества Юлии Крюденер Е.П. Гречаная отмечает, что разработка темы несчастной любви в романе «Валери» повлияла на концепцию некоторых французских романов 19 века, одним из которых является «Доминик»²⁰. От предшествовавших романов «воспитания чувств» роман, в частности, отличается чрезвычайно активной ролью природы, которая здесь предстает в виде некоего действия, внутри которого и развивается сюжет романа – а не как требующая наполнения пустота или пейзаж, окрашенный в тона текущего настроения лирического героя; Доминику присуще удивительное интуитивное ощущение природных ритмов – но это чувство иное, чем у героев Шатобриана.

Образ Доминика ни в коей мере не является копией образа Густава. Оба они принадлежат к тому типу персонажей романов о несчастной любви, возвышенность натуры которых подчеркивается автором наличием изначальной склонности к сильному чувству. Способность эта, как отмечают близкие люди, еще в юности проявляется в поступках и чувствах героев. В романе «Валери» подобную черту характера сына отмечает мать Густава в своем дневнике²¹, в романе Фромантена Огюст, наставник и друг Доминика, именно в таком смысле трактует непомерную чувствительность своего подопечного по отношению к судьбе Ганнибала. Роман Фромантена отнюдь не вторичен. В используемые автором отработанные романтические формы вкладывается оригинальное содержание. Внешний мир в романе присутствует постоянно, придавая убедительность даже самым условным литературным приемам.

Характер главного героя романа Доминика определен изначальной, внутренней и постоянной связью с природой. Он черпает свои основные впечатления в своем внутреннем ощущении жизни природы, непрекращающаяся связь с которой, существующей самостоятельно, вне него, дает ему силу пережить самые большие горести. Спонтанное бегство из Парижа после полного краха своей личной жизни в родовое имение «Осиновая роща», к ритмам, звукам и запахам родного края дает Доменику возможность не только выжить, но обрести душевный покой и достойно продолжить свой жизненный путь. В данном контексте показательным окончание монолога Доминика, монолога, занимающего большую часть романа²². Форма романтического повествования о любви позволила Фромантену создать повествование о природе Бретани столь же поэтическое, сколь прежде о природе Алжира; при этом была выбрана местность ничем особенно не примечательная, непременно бы вызвавшая сугубое отвращение у героя романа Сенанкура. Здесь почти нет лесов, есть регулярные пашни и виноградники, болота, перемежающиеся маленькими деревнями.

Искусство Эжена Фромантена вдохновлялось природой, его основным желанием всегда было «запечатлеть обычную жизнь с ее расплывчатыми и неуловимыми чертами». В предисловии к своему первому известному литературному произведению «Лето в Сахаре», основанному на его алжирских путешествиях, Фромантен писал, что, создавая повесть о своих африканских впечатлениях, он искал «<...> нечто, что можно назвать преломленным в <...> сознании отображением или живой душой вещей».

¹ См., например: Лихачев Д.С. *Поэзия садов*. СПб.: Наука, 1991. С.41

-
- ² Стаф И.К. *Природа, любовь и риторика во французской литературе начала XVI в.*/Природа в культуре Возрождения. М.: Наука, 1992. С.43
- ³ Кретъен де Труа. *Эрек и Энида. Клижес.* М.: Наука, 1980. С. 402-403
- ⁴ Средневековые латинские новеллы. – М.: Наука, 1980, С.27
- ⁵ Гийераг. *Португальские письма.* – М.: Наука, 1973. С. 30
- ⁶ Соловьева И.А. *Новые образы природы и естественного в готическом романе*//Материалы XXXIV Международной филологической конференции 14-19 марта 2005 г. Выпуск 8. Часть 4. С.-Петербург.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2005 г. С. 14-18
- ⁷ Реизов Б.Г. *Французский роман XIX века.* – М.: Высшая школа, 1977. С.106
- ⁸ См., например: Мироненко Л.А. *Художественный мир «личного романа»: от Шатобриана до Фромантена.* Донецк, 1999.- 237 с.
- ⁹ Шатобриан Р. *Ренэ*/ Шатобриан Р. Ренэ. Бенжамен Констан. Адольф. - М.: Журнально-газетное объединение. 1932. С.52
- ¹⁰ Сенанкур. *Оберман.*- М.: Издательство художественной литературы, 1963. С.61
- ¹¹ Сенанкур. *Указ.соч.*, 1963. С.46
- ¹² Гречаная Е.П. *Юлия Крюденер и ее роман*/ Юлия Крюденер. Валери или письма Густава де Линара Эрнесту де Г.. - М.: Наука, 2003. С. 369
- ¹³ Юлия Крюденер. *Валери или письма Густава де Линара Эрнесту де Г...*/ под ред. Е.П. Гречаной - М.: Наука, 2003. С.14
- ¹⁴ *Там же.* С. 141
- ¹⁵ В 2003 году в серии “Литературные памятники” был издан подготовленный Е.П. Гречаной сборник произведений Юлии Крюденер, включающий роман “Валери”, ряд автобиографических и биографических текстов, а также материалов, по которым можно судить о роли Крюденер в культуре и политической истории.
- ¹⁶ Гречаная Е.П *Указ. соч.* С.367
- ¹⁷ Альфред де Мюссе. *Избранные сочинения в 2 томах.* Т.2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957, С.18
- ¹⁸ *Там же,* С. 44
- ¹⁹ *Там же,* С. 86
- ²⁰ Гречаная Е.П. *Юлия Крюденер и ее роман*/ Юлия Крюденер. Указ. соч. С.383
- ²¹ Юлия Крюденер. *Указ. соч.*С.211
- ²² Эжен Фромантен. *Доминик.* - Ленинград: Художественная литература. С.217-218